

В.И. КРАСИКОВ

ПАТТЕРНЫ И ЦЕННОСТИ МОЛОДЕЖНЫХ СУБКУЛЬТУР

Переживаемое нами время, особенно вторая половина XX века, действительно во многом несет черты новой глубокой антропологической революции, или, по крайней мере, нового «осевого времени». В 50-60-е гг. впервые в человеческой истории заговорили «великие немые»: женщины и молодежь. Раньше за них все время вещали зрелые мужчины. Теперь же, впервые в истории, они заговорили сами: радикальный феминизм и начавшаяся с «битников» последовательность молодежных мировоззренческих манифестаций-контркультур.

В основании современного феномена молодежных субкультур лежит общность антропологического характера: постоянное присутствие в обществе молодежного поколения, где «выбывающие» во взрослое состояние заменяются «вновь прибывающими из детства». Рассмотрим основные паттерны и ценности основных современных контркультур (битников-хиппи, панк, скинхеды, рэпперы).

Паттерн структурной оценки мира в мировоззрениях молодежных контркультур абстрактен и туманен. Мир плох и несовершенен – с этим согласны все контркультуры. Однако вопрос «почему?» это получилось, ими практически не ставится. Кроме смутных наитий у битников и хиппи. Упор в основном делается на вопрошании «кто виноват?», на поиске и идентификации социальных сил и условий, которые препятствуют другой возможной жизни. Чем малокультурнее, менее образованнее среда, служащая исходным основанием молодежной контркультуры, тем более конкретно-адресно указание на «врага», тем более связана негация с «традиционными врагами» мелкобуржуазной и рабочей среды или же этнических гетто. «Мы ненавидим богатых, ментов, фашистов и политиков» – краткое определение списка скинов-традов, т.е. тех, кто дистанцируется от наци-скинхедов. Еще более явственно проявляется зависимость мировоззрения от «социального происхождения» у носителей хип-хоп культуры, рэпперов, вышедших из криминальных черных гетто Америки, озабоченных сначала только тем, чтобы «быть круче, чем все чуваки». Конечно, впоследствии рэп и хип-хоп культура получила более пристойное и более разнообразящееся развитие, включая тех же белых рэпперов. Однако первые, искренние выражения ненависти всем не-черным, впрочем, как и не-нашим черным, женщинам и голубым, показывают полнейшую невежественность и связь с почти мифологическими этническими предрассудками.

Гораздо более определенное структурирование значений мира мы находим в панк-культуре. Они ухватывают метафизическую суть молодежного протеста, всегда направленного, независимо от среды

происхождения, против *власти* старших возрастных групп. «Власть в любом государстве – это свиное рыло. Панк – это жирный плевок, один из способов показать этому свиному рылу его стойло». Причем «рыло» имеет все же три ипостаси: государственная машина, корпорации и шоу-бизнес. Эти структуры нормируют, подавляют, отравляют жизнь людей, особенно молодых.

Однако хотя анархизм панк-культуры выглядит настоящей метафизикой в сравнении с незатейливыми скинами и «просто рэпперами», но и он представляет собой скорее вульгаризованный дубль представлений битников и хиппи. Отцы-основатели движения битников – талантливые писатели (К. Кизи, Дж. Керуак, А. Гинзберг, Г. Корсо, У. Берроуз и др.) и экспериментаторы «жизненных стилей» (Т. Лири, У. Берроуз и др.) выработали свою оригинальную, спорную, действительно «контр-«мировоззрение. Вопрос «Кто виноват?» не ставится, вопрошается скорее: «Каков тот образ жизни, которому мы противостояем?»

Битники и хиппи обозначают этот образ жизни термином «Система», противопоставляя ей свою «контр-Систему». Есть и другие метафорические названия, типа «Большая Ложь», «Большой Брат», «Комбинат» и пр. Это унылое, унифицированное общество, где все программируется жизненным ритмом «с 9 до 5». Города, колледжи, кампусы – «питомники безликой мешанской одинаковости: аккуратные домики с газонами и телевизорами, и в каждом домике перед телевизором сидят люди и смотрят одну и ту же передачу и мысли у них одинаковые. ... Это безликая, бесчудесная, обожравшаяся цивилизация ... у них сортиры с белым кафелем, где они много и грязно гадят, как медведи в горах» (Дж. Керуак).

Причем люди-то сами по себе, по отдельности, могут быть вполне приличными и хорошими, но сама Система, взаимная суггестия, порождает великую Майю, иллюзорную реальность. «Люди ведут себя как будто во сне, будто они сами сны. Они потому не видят реалий красоты ... "Они" знают все и слушать не хотят "глупых" молодых людей, непрактичных дураков, не понимающих смысла и значения этого очень важного и реального мира» (Дж. Керуак).

Критическое отталкивание от мира порождает собственную значительность. Самоописание, самоидентификация одновременно конституируют свои жизненные алгоритмы – это путь автономизации любой группы, любого коллективного «мы», тем более тех их радикальных разновидностей, которые выстраивают сознательно конфликтные отношения со своим окружением. Молодежные контркультуры довольно серьезно озабочены ответами на вопросы: «Кто мы? Чего хотим?» и утверждением своей значительности в обществе и в мироздании. Сама юность – это кризис детской идентичности и формирование, в отталкивании

от имеющихся взрослых образцов, собственной. Новое поколение настроено каждый раз на «беспрецедентность» – это форма притязаний на те места, которые всякий раз «уже», но только «еще», заняты.

Самопрезентация группового «мы» молодежных контркультур имеет три уровня: 1) характерный внешний облик, специфический язык и своя, фирменная музыка (стиль); 2) ценности и идеалы, стереотипы поведения в своей среде и с окружающими; 3) свое предание, авторитеты и своя «философия». Также, как и везде, и в молодежных контркультурах по-разному относятся к подобным идентификационным признакам. Есть те, для кого они становятся их собственными, личностными, а есть и те, для которых они условность моды или игра, временное состояние. Вторых, «гедонистов», оказывается все же большинство, чем «идейных». Взрослея, «гедонисты» покидают ряды молодежной субкультуры, но остаются «идейные», стареющие хиппи, панки, скины, превращающиеся в «хранителей традиций племени», «племени молодых». Тело их стареет, но сознание остается в прежнем, самообретенном формате. В том и отличие «идейных» – они сами создают «свои реальности». Старый хиппи на своем сайте горестно и недоуменно вопрошает: «Где те миллионы, которые маршировали и протестовали в 60-е?» И отвечает себе: «Остановились искать и пробовать, обзавелись семьями, приобрели работу, стали частью Системы».

Представлять стилевые характеристики внешности и одежды молодежных контркультур вряд ли имеет смысл – многие могут живо их себе представить. Также понятна общая интенция этих внешне-стилевых различий – акцентировать посредством эпатажа свою особенность, каждый раз оказывающуюся затаенной претензией на неординарность и значительность: «Мы не такие как все. Все остальные не могут быть такими, а мы можем». Для того и длинные волосы, цветистость хиппи; цветоволосяная феерия на голове у панка или же обритость кожи; кожа, цепи или армейские ботинки, подтяжки навывпуск и пр. Каждая молодежная контркультура вырабатывает свой сленг и свой музыкальный стиль. Но вряд ли мы сможем обнаружить на этом уровне серьезные смысловые отличия. Эти отличия возникают на поведенческом уровне: их времяпрепровождение и как они его себе обосновывают.

Что нужно молодежи? Это нетрудно себе представить – разумеется, все же при известном напряжении памяти – любому взрослому и родителю. Чего больше всего хотели вы, будучи ребенком и чего, как вы думаете, желает ваш ребенок? Ну, конечно же, свободы и самостоятельности. Свободы от вашей родительской власти, как бы мягка и демократична она ни была, как и свободы от контроля других взрослых, причастных к манипулированию.

Молодежные контркультуры – экстремализация эмансипационных притязаний молодежи. Это стремление к свободе «от» давления, нормируемости, зажатости и стремление к свободе «для» выбора, самоопределения, жизненного экспериментирования.

Безумствования молодежи контркультур (постоянные пьянки, жизнь обособленно от социального мира, коммунами, сквотами, свободная любовь и пр.) – отчаянная попытка вырваться из «общества спектакля и потребления». Они не хотят ждать – «здесь и сейчас!», резонно предчувствуя рационалистическую трансформацию своего сознания и превращение в среднестатистического обывателя, чьи мозги подчинены переключателю (программ ТВ). «Живи быстро – умри молодым!» – лозунг панка первой волны (1976-78 гг.) явился, думаю, квинтэссенцией подобной «отрицательной свободы» и панического ужаса наиболее думающей и свободолобивой молодежи перед предстоящей «лоботомией».

Большинство молодежных контркультур удовлетворяется вызывающим поведением и времяпрепровождением. Это если и не приветствуется взрослым обществом, но терпится: «молодежи надо перебеситься, чем бы дитя ни тешилось ...» И на самом деле, так оно обычно и происходит. Из молодежных контркультур лишь хиппи и панки разработали свои идеалы позитивной свободы, объявив ее своей высшей ценностью. Свобода делать так, как хочешь, идти, куда вам заблагорассудится, и быть открытым для новых опытов. Свобода нужна не сама по себе, а как условие персонального роста, внешняя свобода – путь к внутренней. Быть внутренне свободным и принимать необходимое участие во внешнем мире. Десятилетия жизни Системы хиппи и DIY-культуры панков в соседстве с Большой Системой показали, что свобода для них – это также и ответственность (перед своими за выживание), умение адаптироваться, способность к компромиссам. Значит, все же, радикализм переведен в русло плюрализма и взаимной терпимости, но ведь и Большая Система изменилась в противостоянии с контркультурами молодежи.

Это можно проиллюстрировать на примере так называемой «сексуальной революции» 60-х, в которой есть бесспорный вклад битников-хиппи. Что еще, кроме свободы, нужно молодым? Конечно же – любовь, к тому зовут молодых «включающиеся» на полную мощность железы и зов видového долга. «Все, что тебе нужно, это любовь!» (All You Need Is Love!) – провозгласили «The Beatles». О том же спустя почти 40 лет, но уже по-рэпперски, т.е. очень просто и доходчиво, говорит и один из кумиров рэпа KRS-One: «Наша первейшая биологическая потребность состоит в сексе и насилии. Пойдете вы у нее на поводу или сдержите себя, зависит от вашего умонастроения».

В Америке 50-х, как и в России советского периода, царили представления ханжества, сексуального невежества, романтической любви, строгой моногамной семьи и резкого осуждения «сексуальных извращений» типа ранней, однополый и внебрачной любви. Может это и близко сердцу пуританина, ортодоксального марксиста или просто усталого человека среднего возраста, но никак для неутомимой молодежи.

Конечно, как всякий революционный порыв, практика «свободной любви» породила много эксцессов, когда молодежь самозабвенно спаривалась везде, где можно и где вроде бы и нельзя. Маятник отношения к любви качнулся в противоположную от пуританства сторону вседозволенности. Сексуальная любовь стала обычным товаром широкого потребления, особенно в коммунах хиппи. Правда, не было еще СПИДа, но венерические заболевания были обычным делом.

Главные принципы «свободной любви»: поощряемая спонтанность сексуальной активности и экспериментирования (групповой секс, секс с несовершеннолетними, гомосексуальность). Хиппи объявили «устаревшей» моногамную любовь и брак. Любовь сопряжена с постоянной свободой, она существует, чтобы быть разделяемой свободно. Любовь не только сексуальная. В широком смысле любить – означает принимать другими такими, какие они есть, давать им свободу выражать себя и не судить их исходя из того, что лежит на поверхности. Многие «идейные» хиппи понимали, что суть «свободной любви» не в сексуальной распущенности – это «издержки», «болезнь роста», а в либерализации, демократизации в такой корневой и наиболее консервативной антропологической сфере как отношения полов. Устранить мужское собственничество и сексуальное порабощение женщин – это, кстати, прекрасно поняли радикальные феминистки – главная цель «сексуальной революции», которая в принципе отвечала глубинным интересам прекрасного пола.

Другое важное, и уже ставшее традиционным, проявление «своей свободы» в молодежных контркультурах – употребление наркотиков. Это гораздо более серьезное испытание, чем «свободная любовь». Оценка этого феномена и отношение к нему самих деятелей контркультур различно. Первоначально это восприятие в отношении некоторых специфических наркотиков, которым была создана репутация безвредных (марихуана, мескалин, ЛСД) было позитивным. Протрезвление смертями (Дж. Моррисон, Дж. Джоплин, Дж. Хендрикс, О. Хаксли и др.) сделало это отношение у хиппи амбивалентным: уже не говорится о «ЛСД-революции», но остается все же «Люси на небесах с алмазами» (The Beatles), т.е право каждого на свой страх и риск пробовать проникать к себе через химические «двери восприятия». Первая волна панков (1976-78 гг.) уже относилась к наркотикам как к осознанному средству саморазрушения:

«Destroy!» Большинство современных молодежных контркультур относится к наркотикам, как, впрочем, и к алкоголизму, так же, как и хиппи, амбивалентно: как к теневой, необходимой стороне своей жизни.

И все же беспрецедентное место в мироощущении молодежи играет музыка. Я думаю, что это объясняется особенностями ментальной организации молодежной возрастной категории: преобладанием воображения над памятью и рефлексией. Самовыражение при помощи книг, фильмов, произведений, требующих навыков сосредоточенности и долгой последовательной работы есть характеристика последующих возрастных групп. Песня в контркультуре – преобладание экспрессии энергичного резкого ритма (как и в изобразительном искусстве, граффити), слова-лозунги, дающие простор интерпретирующему воображению как массовому сотворчеству романтической и прекрасной ювенальной реальности. Рок-н-ролл (в широчайшем смысле «молодежной музыки») – действительно адекватный способ самовыражения этого возраста в описываемое время.

Соответственно, основополагающее влияние на выработку ценностей, идеологий молодежных контркультур оказывали и оказывают музыкальные кумиры: «The Beatles», «Doors», «Rolling Stones», «Sex Pistols», «Clash», «Crass» выражали лозунги, императивы молодежных настроений, осмыслений мира, протеста. Музыка, песни в стремительных либо надрывных ритмах – такой же органичный и целостный способ душевного самовыражения для молодых, как трактаты, манифесты и программы для среднего рационалистического возраста. Жить не программой, а настроением, порывом – в чем и залог искренности и святости, здесь истина, которую не подделать, не сконструировать. Это творится сочетанием именно звуковой тональности вибрирования души и образно-текстовым рядом разума. Если это рождено не спонтанно и порывно, то будет фальшиво и натянуто, будет не воспринято другой душой. Молодежь выражает себя именно так в своей музыке и этот «тамтам» тут же звучит в миллионах подобных душ. Потому молодежная музыка означает нечто гораздо больше, явление иного сущностного ряда, чем просто музыка, каковой она является для других поколений: развлечение, помогающее релаксировать и жить. Таким образом, мы имеем дело с действительно специфическим стилем жизни, который коррелятивен и адекватен психоментальным особенностям этой антропологической категории.

Из того следует взаимопереплетенность истории контркультуры с историей ее музыкального стиля. Парадоксально, но здесь «культовая группа» выполняет в истории молодежной контркультуры роль своего рода харизматического лидера. Талантливая музыкальная молодежь, составляющая «культовые группы» и их музыкальное окружение, находит

свой яркий музыкальный стиль, что является для молодежной аудитории решающим доказательством их мессианской природы, ведь они же должны быть действительно «новыми», небывальными (*homo novini*). Благодаря современным техническим возможностям (радио, ТВ, звуко-видео-записывающая индустрия, Internet) они сразу имеют миллионную интернациональную «паству». Возникает уникальный феномен почти «мистически-живого» душевного, смыслового единения миллионов душ, подобно тому, что происходило и происходит в сектах между харизматическим лидером и внимающими ему, доверяющими ему людьми.

Конечно, есть в контркультурах и другие ключевые фигуры, не являющиеся музыкантами: организаторы политических акций или свои философы (типа Т. Лири, радикальных феминисток), но они, в лучшем случае – «менеджеры» контркультуры. «Культовые группы» – душа контркультур. Это не «штаб», не «руководящая и направляющая» сила. Это больше. Молодежь и ее музыка – спонтанный жизненный поток, где нет целерациональности, есть просто иная, но настоящая и непонятная другим поколениям жизнь.

Одни «культовые группы» существуют почти десятилетие (The Beatles), другие саморазрушаются в течение нескольких лет (панк-группы первой волны). Можно подметить явное единство, синхронность в духовно-смысловом развитии контркультур с соответствующими «волнами» и периодами их музыкальных стилей. Упадок и распад контркультур как массовых движений связаны именно со смертью кумиров или распадами (либо «предательствами») «культовых групп», а не с экономическими кризисами или компаниями дискредитации в СМИ. Смерть Дж. Моррисон, Дж. Джоплин, Дж. Хендрикса, распад «The Beatles» приводят на рубеже 60-70-х гг. к глубокому кризису хиппи, когда в Системе хиппи остались только «идейные», способные охватить и воспитать лишь ограниченное количество учеников. Волны панк-культуры, хип-хоп культуры также скоррелированы с периодическими музыкальными обновлениями, но не столь фатально как у хиппи: последующим никогда не доставало и не достанет такой массовости и эффекта действительно революционной новизны и тотальности.

Потому, резюмируя взаимосвязь молодежных контркультур и их музыки, можно подтвердить уже со стороны философской рациональности правоту неоднократно звучавшего из уст разных поколений контркультур лейтмотива: рок-н-ролл (хард, панк, рэгги, рэп, хип-хоп и пр.) – это стиль жизни. Гибнет одно, сгинет другое или остается печальное «рок-н-ролл мертв, а мы еще нет».

Другой признак автономизирующихся групп, противостоящих своему окружению – создание своей мифологии, героической истории и

философии. И самая большая проблема «респектабилизирующей» группы состоит в том, чтобы взрастить в своих рядах идеологов, способных профессионально, т.е. как писатели или философы, выразить особенности мировоззрения, цели ярко и привлекательно. Больше всего в этом отношении повезло хиппи, которые сами во многом были порождены, иницированы битниками, которых с очень большой натяжкой можно назвать «молодежью», разве что «по духу». Это группы молодых элитарных интеллектуалов 50-х гг., сформировавших в своих произведениях основные идеалы «шестидесятников». «Предназначение писательства в том, что бы заставить событие произойти... – формулировал кредо «творения реальности» У. Берроуз, – Джек Керуак, Ален Гинзберг, Грегори Корсо ... написали сценарий всеохватывающей культурной революции».

Метафизичность самоописания молодежной контркультуры, степень ее притязаний на значительность производны от ее суммарного общественно-политического эффекта, влияния на общество, на историю данного периода. Как и следовало ожидать, наибольшие метафизические амбиции у хиппи, оказавшихся в эпицентре событий 60-х и не преминувших приписать себе заслуги в их организации. В этом нет ничего особо удивительного, любая группа пытается сакрализовать свою историю, и перевести ее, по возможности, в космологическое измерение. Тем более та, которая претендовала на глобальную революцию: «Мы все хотим изменить мир» (We all want to change the world. The Beatles. Revolution).

События 60-х были отрефлексированы соответствующим, мессианским способом в контексте натуралистической, «языческой» философии хиппи, «философии Земли». Вся планета – эволюционирующая биологическая реальность, где человечество – «индивидуальная клетка» глобального живого организма. Человечество ведет себя во многом как раковая клетка по отношению к Тотальному Организму. Но сама же Гея (Земля) пытается компенсировать негативное человеческое влияние и восстановить баланс. Действует она через умы и деятельность тех людей, которые осознают истинное положение вещей и живут в соответствии с нуждами Великой Системы (биосферы).

Это Дхарма хиппи, где хиппи – обозначение глубокого невидимого эволюционного процесса, современного андеграунда. Хиппи полагают, что они являются лишь современной «инкарнацией» вечной миссии части людей, которые в каждом поколении воспроизводят философский подход к жизни, ценности свободы и мира, любви и внимания к другим и Земле. Всегда были хиппи: от Иисуса до Леннона. Может и сейчас среди нас находятся дети-маленькие хиппи. Ну и согласно библейской традиции, предел метафизации своей отличительности – «избранный народ»,

отдельная особая нация с мессианским предназначением. Хиппи доходят до этого предела, называя себя «нацией Вудстока».

Менее глобалистскими, более социальными, но также с притязаниями на историзацию, выглядят самоопределения теоретиков панк-культуры. Они связывают панк-культуру с традицией ранних контркультур, постоянных участников человеческого развития, таких как киники в Древней Греции или сектантские движения в средневековой Европе, анархистов XIX века. Основная особенность этих прецедентов – утверждение альтернативных ценностей и образов жизни без притязаний на новое господство. Мы – сами, вы – сами по себе. Панки – это особо свободолюбивые люди, сознательно выступающие против тотального контроля всех форм власти, создающих «островки свободы» – пример будущего мира без власти свободных и ответственных людей. Это, так сказать «позитивная» модель свободного сообщества, однако у части панков есть и негативная: мир бессмысленен, пошл и жесток, он не поддается переделке и тотально отрицается. В противовес господствующему в реальном мире культу успеха, панки первой волны выдвинули установку на неудачу, сознательное аутсайдерство: «Будущего нет!» (No future!). Живи здесь и сейчас на полных оборотах стремительного саморазрушения.

Совсем нет метафизики (если не считать заимствованной «арийской риторики») в более простонародных молодежных контркультурах, этим, кстати, и бравирующих. К примеру, «настоящие скины» – это простые рабочие парни, которые гордятся своим классовым происхождением, любят страну и ненавидят правительство. Они любят музыку, пиво и вечеринки, а также много и по разным поводам драться. Аналогичны, разве что с поправкой на цвет кожи и особенности времяпрепровождения, самоописания представителей рэп, хип-хоп культуры.

Наконец, другой важный паттерн мировоззрения молодежных контркультур – *паттерн трансцендирования*: что хотят и каким образом хотят преодолеть, превозмочь наличную социальную действительность? Наиболее привлекательна для молодых радикалов «идея революции»: отрицания-разрушения старых норм, правил и установление новых, более совершенных и справедливых. Идея эта органично молодежная, органично поколенная. Ното povіni вступаю, каждый раз впервые, в жизнь настроены на радикальную авторизацию себя и мира под себя. Это – концептуализация очевидного эволюционного смысла поколенной организации живого на планете.

И в 60-е гг. на некоторое время многие поверили в объективную возможность нового типа социальной революции. Тем более, что левый политический радикализм был на подъеме и полагали, что отказ

интеллектуалов от сотрудничества с капиталистической Системой может найти поддержку другой новой мощной социальной силы – инстинктивного отказа протестующей молодежи от обветшалого образа жизни. Ибо ставкой является именно их новая, будущая жизнь, духовное здоровье. В большинстве случаев молодежные теоретики под «революцией» все же понимают глубинные изменения, которые будут происходить мирным, ненасильственным путем. Они, как в некой волшебной сказке, великой утопии, произойдут сами собой – люди вдруг станут другими, нужно лишь некоторое усилие подталкивания, увлекающего примера энтузиазма молодых. Это так похоже на детскую веру в непременно хорошее будущее и «что мы никогда не умрем».

У Керуака в «Бродягах Дхармы» – это мечта Джефи Райдера о «великой рюкзачной революции», когда многие молодые, «миллионы людей с рюкзаками пойдут по свету, пойдут стопом (автостопом – В.К.), понесут другим людям слово» и «может мир еще проснется и расцветет одним большим прекрасным цветком Дхармы». «Ты уполномочен напоминать людям, что они совершенно свободны».

Хиппи прямо провозгласили концепцию ненасильственной революции сознания: изменение мира через убеждение и свой жизненный пример, пример любви и терпимости. Причины поражения конца 60-х видятся также и в том, что хиппи сознательно отказались от насильственно-традиционных приемов борьбы за власть.

Другой путь трансцендирования обозначил еще Джим Моррисон, но был развит панк-культурой. Это путь анархизма. Идея анархии у панков довольно расплывчата, имеет разные смысловые аранжировки от разгульной бесшабашности и кутежа в российском стиле, «без царя в голове» («мама – анархия, папа – стакан портвейна», группа «Кино») до европейской рационалистической идеи в стиле О'Хары. В последнем случае, анархия – это личная ответственность (анархия у тебя в голове): отказываясь быть подконтрольным, вы берете свою жизнь в собственные руки. Это не хаос, а начало личного порядка. Вместе с тем, это не только личный образ жизни. О'Хара полагает, что «личная анархия» (я правильный, а все остальные живут неверно) – буржуазный стиль жизни. Это соглашательство и контрреволюция. Настоящий анархизм – быть персонально анархистом (управляющим собой) и активно учить тому же окружающих. Анархисты должны стать наставниками, но не лидерами – так, через образование, можно изменить мир. Однако есть и настрой тотального отрицания, разрушения – особенно после многочисленных агрессивных со стороны скинхедов и полиции.

Скины и рэпперы также иногда любят вернуть в свои рассуждения либо песни слово «революция», но делают так, скорее, из неосознаваемого

желания прибавить себе значительности и респектабельности, «радикального шарма». По сути, их культуры не имеют трансцендирующей направленности, хотя могут предлагать некую альтернативу обособленного, особого существования.

Это и есть субкультурный эскапизм, самообособление в своей отдельной, групповой реальности. Его можно считать основной формой молодежного противостояния, пассивного «контр-»: креация своей действительности, своего мира. Эскапистская альтернатива может иметь индивидуалистскую и коллективистскую формы.

Путь большинства все-таки коллективистичен. Есть совсем уж коллективисты, живущие коммунами, стремящиеся осуществить «приватные утопии». Все же большинство живет в обычной, нормальной социальной среде, как правило, дома и в семье. Принадлежность к субкультуре выражается во внешней атрибутике, стиле поведения и «тусовках» – периодических встречах и совместных времяпрепровождений: это могут быть рок-концерты, футбольные матчи, занятия экстремальным спортом или другие игровые мероприятия, попойки, политизированные акции либо хулиганские выходы.

Однако между различными «кустами», региональными сообществами разных молодежных контркультур существуют неформальные, нецентрализованные сети коммуникаций. Это стало возможным в эпоху массовых электронных коммуникаций, особенно сети Internet и минования молодежными контркультурами своих фаз «героического развития», сопряженные с их «культурными группами». «Рок-н-ролл мертв, а мы – еще нет», значит надо искать какие-то формы существования. Это означало создание альтернативных практик и альтернативных пространств – альтернативных TV, FM, «глянцевым журналам», короче, массовой культуре. Свои «фэнзины» (группы), независимые лейблы (небольшие фирмы), выпускающие записи, системы дистрибьюции, веб-сайты, фестивали, семинары, малотиражные журналы по подписке. Наиболее ярко принципы автономного, прозаического, вне революционного энтузиазма, существования молодежных субкультур выразили панки в своей системе DIY (do it yourself – сделай это сам): отсутствие иерархии и постоянных структур, спонтанность, временность, маломасштабность акций, все «здесь и сейчас», «думай глобально, действуй локально». Подобные свои DIY есть в каждой из рассматриваемых здесь молодежных субкультур.

Итак, сказанного вполне достаточно для подведения заключительной черты: определения ключевых смыслов, констатирования особенностей радикального молодежного сознания, уяснения его роли и перспектив в современном развитии.

Объективные ключевые смыслы событий противостояния молодежных контркультур и взрослого общества – это углубление, дальнейшее развитие гуманизации и демократизации. Гуманизация или все более разумное, ответственное, понимающее отношение людей друг к другу распространяется и на молодежь, к которой ранее господствовало неявно неравное отношение. Молодежные контркультуры – это легитимация в острой, конфронтационной форме особой антропологической категории, общечеловеческое признание ее особенностей и равноправия. Это связано как с сокращением средних сроков психологического, физиологического и ментального созревания людей, так и, что важнее, с резким возрастанием темпов социальных изменений, освоить которые, перестроиться, стать их субъектом может, в первую очередь, молодежь.

Молодежные контркультуры – это и справедливая эмансипация бесправной ранее антропологической категории от навязчивого вековечного контроля господствующей возрастной категории «зрелых». Это углубление демократизации: ослабление иерархии, предоставление большей автономии, обращение общественного внимания на проблемы прав детей и молодежи. Ранее такие права рассматривались в основном в политико-юридической плоскости. Теперь же пришло осознание важности прав духовной свободы: самоопределения и самовыражения особых практик общности своего возрастного опыта.

И.В. ЛЫТКИНА

СИСТЕМА ЦЕННОСТЕЙ В УЧЕБНО-ПРОФЕССИОНАЛЬНОЙ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Типизация ценностности определяется отражением в ней основных обобщенных планов функционирования субъекта: деятельности, плана отношений и плана сознания, познания как отражающих три основные сферы бытия человека.

С. Шварц и В. Билски утверждают на основании анализа определений психологических ценностей в обширном списке исследований, что, несмотря на большое число определений понятия «ценность» почти все определения обладают пятью общими чертами.

В исследованиях ценностей, при теоретическом обосновании их эмпирического изучения они принимаются, как: а) убеждение (в чем-то) или верование (во что-то); б) представление состояния или поведения как желаемого (цель); в) нечто, значимость чего выходит за обычные границы; г) средства отбора или оценки событий и поведения; д) средства для упорядочивания событий по относительной важности. Разумеется, подобные определения лишь приблизительно объясняют содержание понятия «ценность».

Имеет место такой тип ценностности, как реально-привычное